ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Анна Бурмистрова, Никита Ганжа,
Ирина Замищак, Галина Манькова, Вадим Хрюков

- *Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao. Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages.*
- *Kolk M., M. Hällsten. Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden.*
- *Monnet E., C. Wolf. Demographic cycles, migration and housing investment.*
- *Lee R., Y. Zhou. Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited.*
- *Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn. To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity?*
- *Damman M., R. Van Duijn. Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement.*
- *DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski. Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008.*
- *Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus. Fertility Intentions and Residential Relocations.*
- *Schlaffer J.S. Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility.*
- *Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel. The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice?*
- *Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Oksuzyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, J.W. Vaupel. Women live longer than men even during severe famines and epidemics.*
- *Kashnitsky I., J. Schöley. Regional population structures at a glance.*

TRADING YOUTH FOR CITIZENSHIP? THE SPOUSAL AGE GAP IN CROSS-BORDER MARRIAGES

[Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao (2017). Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages // Population and Development Review. 43(3): 443–466. https://doi.org/10.1111/padr.12072]

В последние десятилетия неуклонно растет доля межэтнических и межнациональных браков. Большинство исследований, выполненных в Азии и Европе, рисуют интегральный образ подобной пары примерно так: муж – коренной житель страны, зачастую значительно старше жены-иммигрантки. Однако какова ситуация в США, которые на протяжении многих лет остаются одной из самых привлекательных для иммиграции стран мира? Таким вопросом задались Келли Балистрери, Кара Джойнер и Грейс Као.

Илья Савельевич Кашницкий (ilya.kashnitsky@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Анна Бурмистрова, Никита Ганжа, Ирина Замищак, Галина Манькова, Вадим Хрюков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Обзор поступил в редакцию в августе 2018 г.

Помимо того, что научных работ, рассматривающих связь между иммиграцией и браками в США, немного, в проведенных исследованиях часто предполагается, что такие браки заключаются либо до приезда иммигранта в США (такие случаи вообще не входят в сферу исследований по смешанным бракам), либо некоторое время спустя (такие браки рассматриваются как показатель ассимиляции различных расовых и этнических групп). Однако, как показывают практика и результаты некоторых журналистских отчетов, многие коренные американцы, являющиеся приверженцами традиционных (патриархальных) взглядов на роль женщины в семье, предпочитают рассматривать в качестве потенциальных спутниц женщин из других стран. Интересно, что последние, в свою очередь, получив воспитание в строгом традиционном стиле, воспринимают гражданина США в качестве мужа как возможность сформировать равноправную семью, в которой мужчина и женщина будут в равной степени разделять все обязанности и одинаково владеть правом голоса. Более того, США – страна с самой крупной экономикой в мире, которая ежегодно принимает десятки тысяч трудовых мигрантов, но в то же время страна, в которой не так просто получить гражданство, предоставляющее значительные социальные и экономические преференции.

Авторы статьи указывают на важность рассмотрения роста доли браков между американцами и представителями других национальностей, а также изучения различий в возрасте между супругами, не столько в этническом контексте, сколько с точки зрения обладания статусом гражданина США. Брак с гражданином США многими рассматривается как возможность в значительно упрощенной форме и за менее длительный период ожидания получить американское гражданство.

На основе данных за период с 2010 по 2014 г., полученных из Американского исследования общества (ежегодный опрос жителей США, включающий такие вопросы как год, в который Вы вышли замуж/женились в последний раз, текущий семейный статус и др.), авторы показывают ярко выраженную связь между переездом в США и созданием семьи с обладателем американского гражданства у женщин (рисунок 1): 29% женщин-иммигрантов, вышедших замуж за коренного жителя США, и 27% женщин, вышедших замуж за натурализованного гражданина США, вступили в брак в тот же год, в который мигрировали в Штаты, – и менее заметную связь у мужчин (рисунок 2).

Также крайне любопытно и показательно, что разница в возрасте очень существенная, когда муж – обладатель американского гражданства, а бракосочетание имеет место до переезда в США. Например, если жена – иммигрантка из России, а муж – коренной американец, то можно ожидать, что жена будет моложе на 9 лет. Совсем иная картина наблюдается в случае, когда иммигрирует муж. Так, если муж – россиянин и бракосочетание предшествует его переезду в США, то ожидаемая разница в возрасте составит лишь 0,5 года.

Размышляя над полученными результатами, авторы отмечают, что значительная разница в возрасте между мужем – гражданином США и женой-иммигранткой является закономерным и взаимовыгодным обменом. Если совсем упрощать, что авторы и сделали в претенциозном названии статьи, молодые иммигрантки продают свою молодость за те преференции и стабильность, которые открывают американское гражданство и союз со

зрелым состоявшимся человеком. Тем не менее авторы отмечают необходимость понимать культурные особенности каждого региона. Возможны случаи, в которых существенная разница в возрасте между супругами в отдельно взятой стране или культуре является нормой.

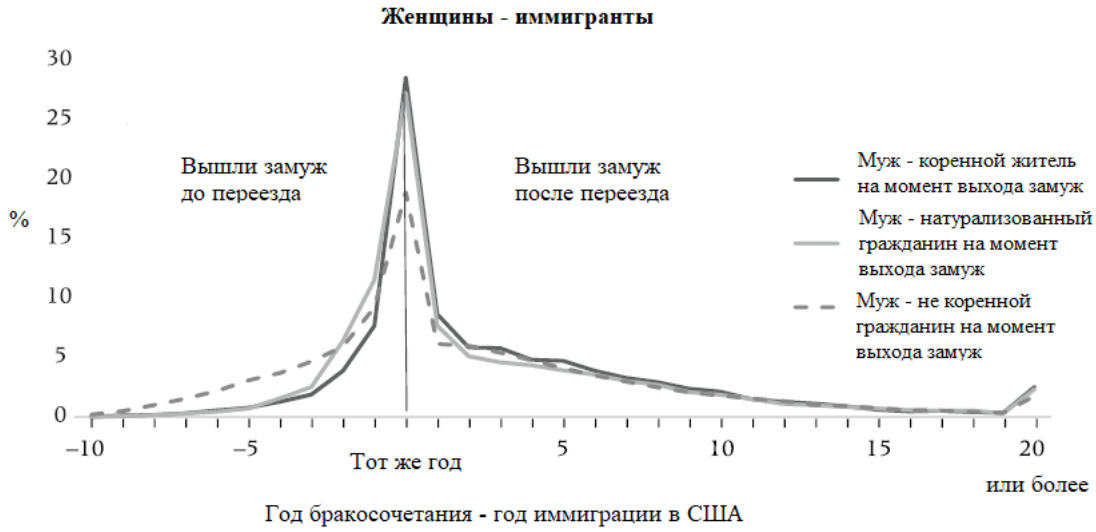

Рисунок 1. Взаимосвязь между годом бракосочетания и годом иммиграции жены в США

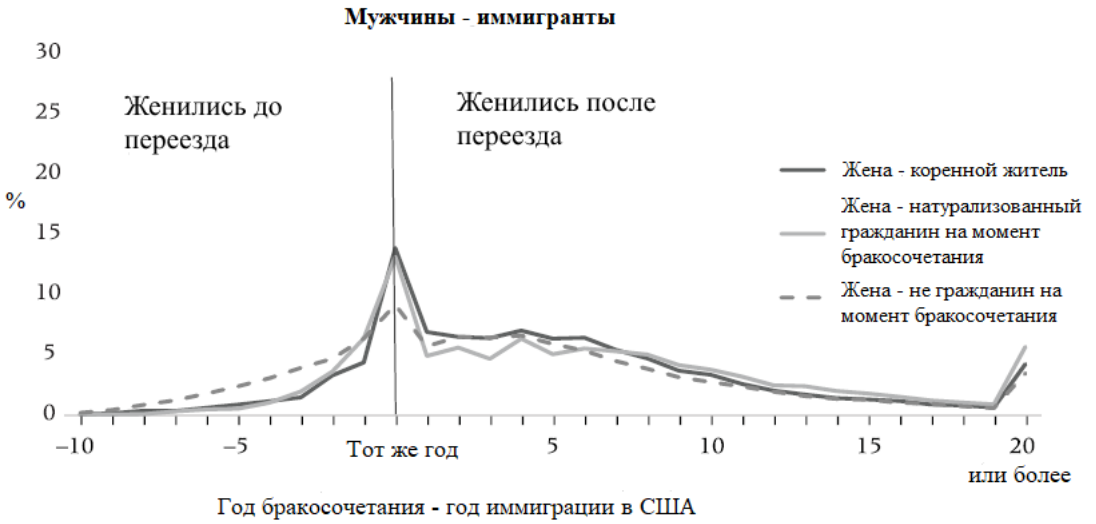

Рисунок 2. Взаимосвязь между годом бракосочетания и годом иммиграции мужа в США

DEMOGRAPHIC AND EDUCATIONAL SUCCESS OF LINEAGES IN NORTHERN SWEDEN

[Kolk M., M. Hällsten (2017). Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden // Population and Development Review. 43(3): 491–512. https://doi.org/10.1111/padr.12091]

Мартин Колк и Мартин Халльстен провели исследование, в котором выяснили, как уровень образования предков влияет на уровень рождаемости и успехи в образовании их потомков. Они использовали уникальный набор данных о жителях региона Шеллефтео в Северной Швеции, для которых доступны индивидуальные данные о каждом жителе с 1860 г. Это исследование уникально в том, что отвечает на крайне актуальные демографические вопросы, рассматривая социальное воспроизводство населения в контексте демографического перехода.

Наблюдаемое сегодня снижение рождаемости является следствием социальных, экономических, культурных и медицинских инноваций, которые в свою очередь позволили при планировании семьи «перейти от количества к качеству» и значительно увеличить ВВП на душу населения. Увеличение родителями инвестиций в детей позволило расширить возможности социальной мобильности и создало задел для еще большего увеличения душевого дохода в последующие годы.

Число детей в семье обратно пропорционально их успехам в учебе и производительности труда. Большое число детей часто не позволяет родителям в должной мере финансировать их образование, что значительно снижает шансы на экономический успех в будущем.

Авторы анализируют показатели четырех поколений шведов, живших в Шеллефтео с конца XIX века. Они разделяют представителей первого поколения (прабабушки и прадедушки) на 4 группы: фермеры, владевшие собственной землей (57% жителей), сельскохозяйственные рабочие без земли в собственности (29%), другие сельскохозяйственные работники (6%) и государственные служащие (1%). Информацию о роде деятельности оставшихся 8% жителей найти не удалось.

На рисунке 3 показано, что уровень рождаемости в Швеции неуклонно снижался с начала XX века и закрепился чуть ниже уровня простого воспроизводства на рубеже XX-XXI веков.

Потомки профессионально привилегированного первого поколения шведов, в среднем, получили лучшее образование. Ученые связывают это с прочным социально-экономическим статусом привилегированного населения. При этом крайне важно понимать, как проводится сравнение поколений: в абсолютном или относительном выражении. Дело в том, что резкое снижение рождаемости быстрее проистекало в привилегированных слоях общества. Поэтому, когда мы сравниваем «среднего потомка» со «средним предком», образовательное преимущество изначально привилегированных оказывается очень большим. Если же смотреть на абсолютные изменения в образовательном составе населения, то различия не столь значительны за счет того, что менее образованные предки оставляли более многочисленное потомство.

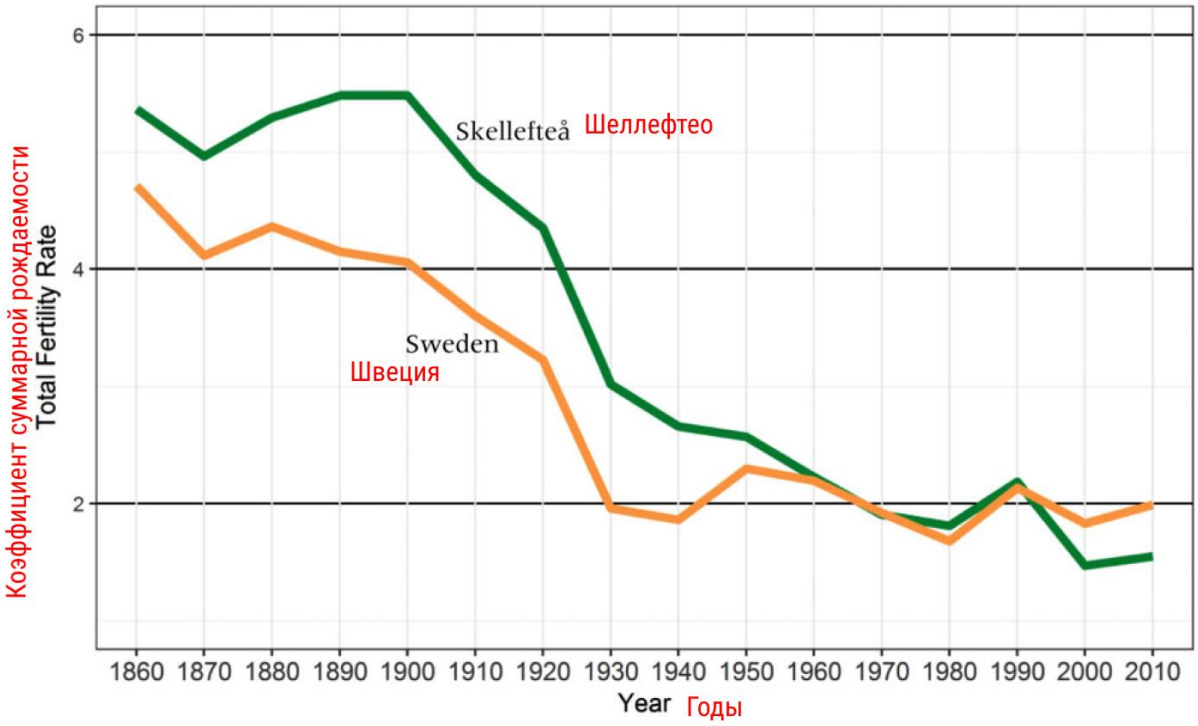

Рисунок 3. Коэффициент суммарной рождаемости в графстве Шеллефтео и в Швеции, 1860-2010

DEMOGRAPHIC CYCLES, MIGRATION AND HOUSING INVESTMENT

[Monnet E., C. Wolf (2017). Demographic cycles, migration and housing investment // Journal of Housing Economics. 38: 38–49. https://doi.org/10.1016/j.jhe.2017.09.001]

В отличие от прочих секторов экономики инвестиции в жилищное строительство подвержены отчетливым циклическим флуктуациям, что позволяет говорить о жилищном строительстве как о бизнес-цикле. Поэтому представляется важной теоретической и практической задачей определить основные факторы, влияющие на долю жилищных инвестиций в ВВП.

Эрик Моннэ и Клара Вольф изучают влияние демографических факторов на динамику инвестиций в жильё. На примере 20 стран-членов ОЭСР они изучают влияние изменения численности трёх групп населения (в возрасте 0-19 лет, 20-49 лет, 50 лет и старше) на изменение инвестиций в жилищное строительство во временном промежутке с 1980 по 2014 г. В качестве контрольных переменных исследователи берут рост реального личного располагаемого дохода, рост реальных цен на жильё, реальную долгосрочную процентную ставку, изменение безработицы и рост реального кредита частного нефинансового сектора. Исследование подтверждает первоначальную гипотезу: наибольшая теснота взаимосвязи наблюдается между изменением жилищных инвестиций и изменением численности «молодых взрослых» (населения в возрасте от 20 до 49 лет), так как именно в этом возрасте, как правило, создаются семьи, что ведёт увеличению количества домохозяйств и следовательно – росту спроса на жилплощадь (рисунок 4).

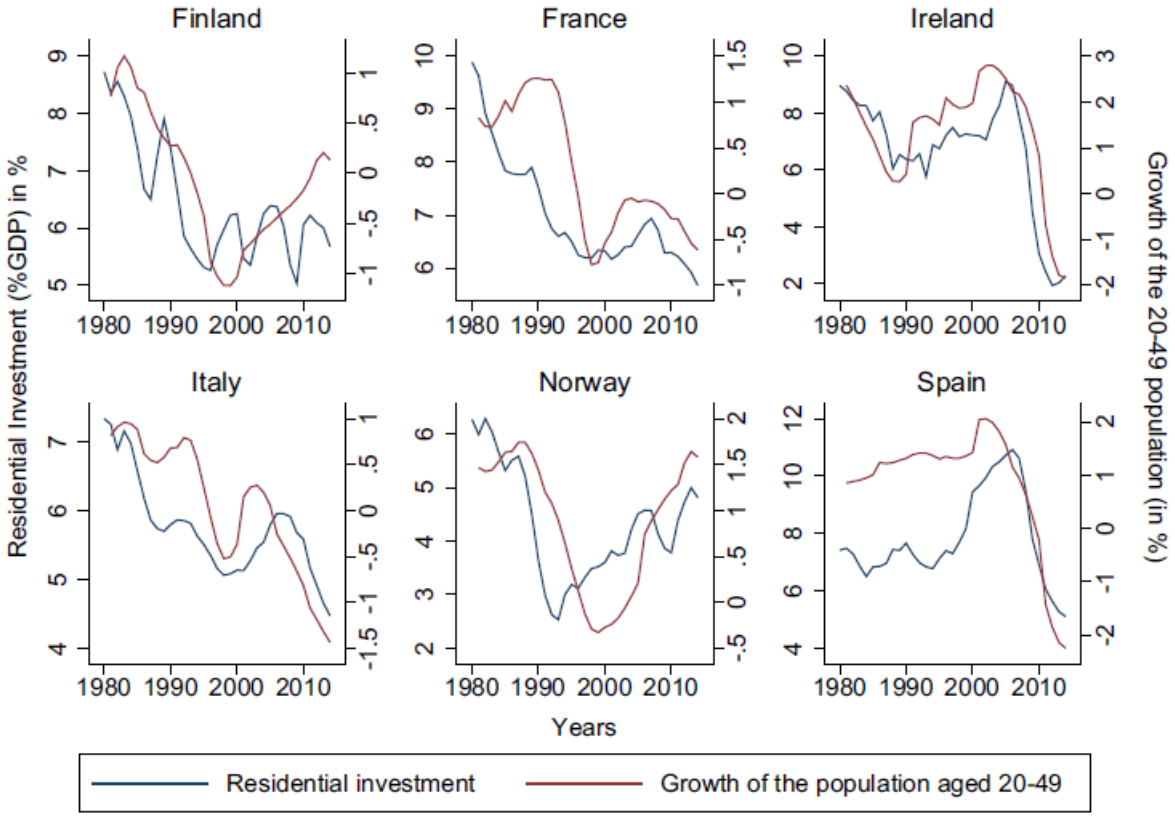

Рисунок 4. Доля инвестиций в жильё и рост населения в возрасте 20-49 лет для некоторых исследуемых стран

Таким образом, темп роста численности населения в возрасте 20-49 лет экзогенен по отношению к инвестициям в жильё. Вместе с тем нельзя отрицать положительную зависимость притока иммигрантов от состояния жилищного сектора в принимающей стране. Поскольку большинство иммигрантов на момент приезда в принимающую страну являются «молодыми взрослыми», возникает проблема эндогенности темпа роста населения в возрасте 20-49 лет относительно жилищных инвестиций. Чтобы её решить, авторы заменяют темп роста данной возрастной группы в каждый исследуемый год на темп роста населения в возрасте от 0 до 29 лет, наблюдавшийся за 20 лет до исследуемого года. Это означает, что теперь оценивается не фактический, а ожидаемый прирост населения и исключается влияние миграционного притока на численность «молодых взрослых». На данном этапе возникает необходимость разделить изучаемые 20 стран на две группы: страны с незначительным притоком иммигрантов (Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Франция, Япония, Нидерланды, Швеция, США) и страны с существенным притоком иммигрантов (Финляндия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Португалия, Швейцария, Великобритания). Для первой указанной группы стран описанная выше замена переменных практически не изменяет влияние роста возрастной группы на рост инвестиций в жилищное строительство, однако для второй группы стран это влияние становится заниженным, так как с исключением иммигрантов ожидаемый прирост населения становится гораздо меньше фактического. Из этого следует, что миграционные потоки действительно являются фактором, от которого в ряде стран зависят жилищные инвестиции, но, как выясняют в дальнейшем исследователи, данная зависимость практически целиком обусловлена экзогенными эффектами миграции на рост инвестиций

в жильё. Поэтому авторы делают вывод, что проблема обратной причинно-следственной связи темпа роста населения в возрасте 20-49 лет и инвестиций в жилищное строительство несущественна.

В заключение, опираясь на средний вариант прогноза темпов роста населения в возрасте 20-49 лет ООН, исследователи прогнозируют изменения средней доли жилищных инвестиций в ВВП исследуемых стран до 2050 г. включительно (рисунок 5).

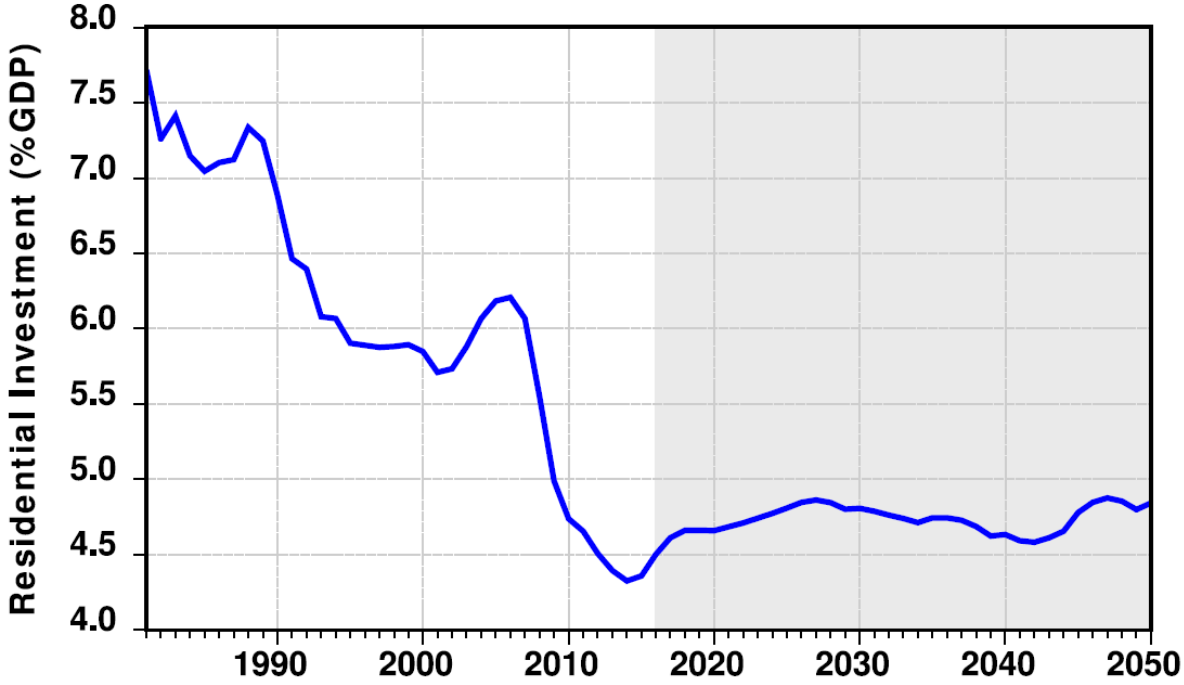

Рисунок 5. Прогноз инвестиций в жильё (как доли в ВВП)

Примечание: Прогнозируется средняя величина инвестиций в жильё (% ВВП) для каждой из исследуемых стран.

Достигнув исторического минимума в 2010-х годах (что во многом обусловлено завершением демографического перехода и снижением спроса на жилье), инвестиции в жилищное строительство останутся на достаточно низком уровне в ближайшие десятилетия. Малые объемы традиционно значимого сектора реальной экономики оказывают значительное негативное давление на темпы экономического развития.

DOES FERTILITY OR MORTALITY DRIVE CONTEMPORARY POPULATION AGING? THE REVISIONIST VIEW REVISITED

[Lee R., Y. Zhou (2017). Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited // Population and Development Review. 43(2): 285–301. https://doi.org/10.1111/padr.12062]

Почему население развитых странах значительно старше сегодня, нежели век назад? Почему общество в развитых государствах продолжает стареть и почему та же участь ожидает население во многих развивающихся странах в XXI веке? Является ли снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни основной причиной данного

тренда или же следует искать корень проблемы в падении уровня рождаемости и темпов прироста населения? Рональд Ли и И Зу постарались ответить на эти вопросы.

Ученые освещают несколько разных подходов к анализу проблемы старения населения. Приверженцы классического подхода (сравнения с моделью стабильного населения) утверждают, что основная причина старения заключена в падении уровня рождаемости и в меньшей степени – в снижении уровня смертности. Для иллюстрации данного подхода авторы приводят динамику демографических показателей в Европе и их влияние на показатель демографической нагрузки пожилым населением (OADR – old-age dependency ratio = Pop(65+)/Pop(20-64)) (рисунок 6).

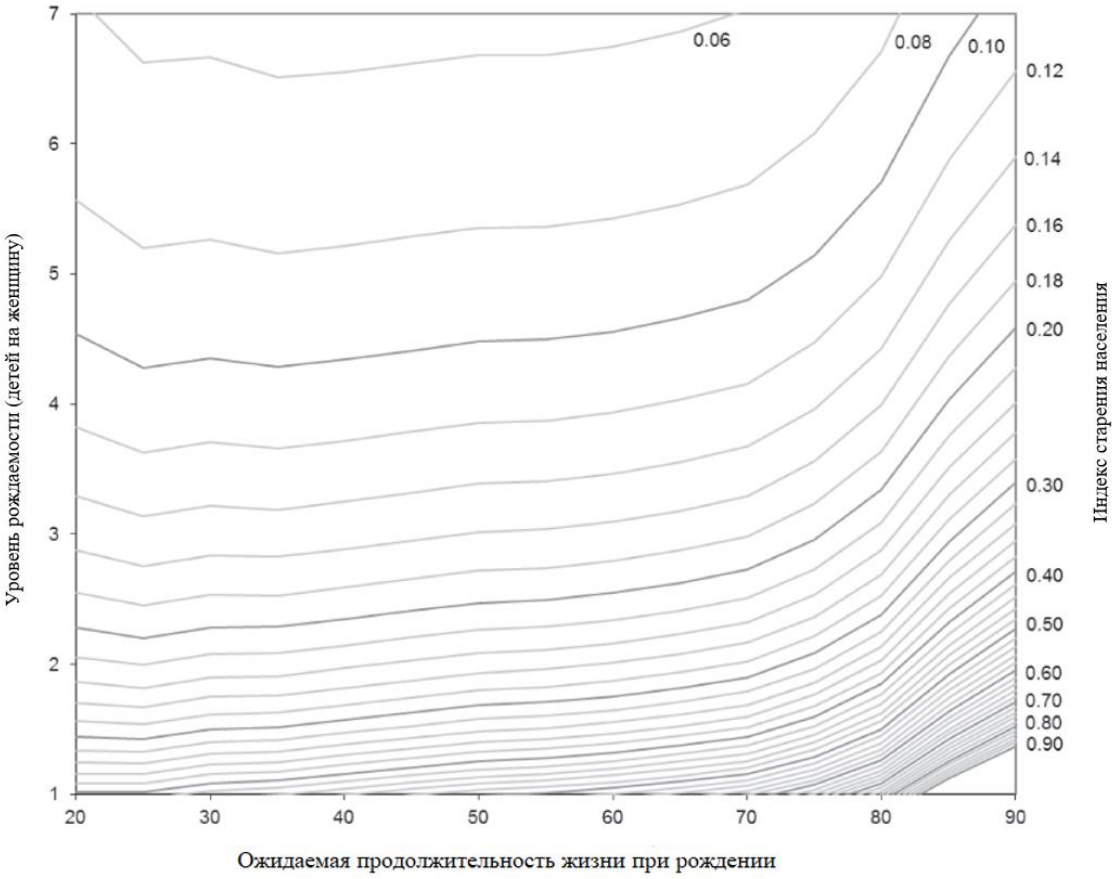

Рисунок 6. Комбинации рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни

В середине XIX века в Европе одна женщина в течении жизни, в среднем, рожала 5 детей при ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 35 лет. Это обеспечивало значение показателя OADR около 0,08 или 8 человек преклонного возраста на 100 человек в трудоспособном возрасте. Если продолжительность жизни оставить неизменной, а рождаемость зафиксировать на уровне последних десятилетий (1,6), то OADR окажется равен 0,28, т.е. вырастет на 0,2. Если же уровень рождаемости оставить равным 5 детям, а продолжительность жизни привести к сегодняшнему дню – 78 лет, то изокванты графика приведут нас к значению OADR, равному 0,11, т.е. рост индекса составит лишь 0,03 пункта. Таким образом, уровень рождаемости оказывает большее влияние на старение населения в сравнении с уровнем смертности согласно классическому подходу.

Однако авторы отмечают несовершенство классического подхода, который ничего не говорит нам о переходном периоде наций от одного устойчивого состояния к другому. Данный недостаток подхода был отмечен многими исследователями, которые в ряде работ выдвигали и доказывали гипотезу о том, что старение населения в большей степени связано с уровнем смертности. В частности, Престон и Стоукс в статье «Источники старения населения в более и менее развитых странах»[1] привели математическое доказательство того, что за период с 1980 г. старение населения преимущественно вызвано снижением смертности. Ли и Зу отмечают, что, несмотря на точность, лаконичность и нестандартность математической модели, выводы работы вызывают сомнения, и, вероятно, являются неверной интерпретацией математических результатов, так как данный подход не учитывает непрямое влияние смертности на уровень рождаемости.

Выявив недочеты в существующих подходах, Ли и Зу пришли к выводу о необходимости проведения исследования, в основу которого будет заложена аналитическая симуляция. Что это означает? Имея исторические данные (с 1900 по 2005 г.), ученые определили, как изменился бы средний возраст населения Индии с 2005 по 2010 г. в случае, если:

1. зафиксировать темп рождаемости на уровне 1900 г. при реальном уровне смертности;
2. зафиксировать смертность на значении 1900 г. при реальном уровне рождаемости.

Симуляция показала, что в результате изменения рождаемости при постоянной смертности средний возраст населения Индии с 2005 по 2010 г. вырос бы на 1 год, а при динамическом уровне смертности и постоянной рождаемости с 1900 г. средний возраст населения Индии упал бы на 0,1 года. Авторы утверждают, что снижение рождаемости оказывает значительно большее влияние на уровень старения населения, нежели снижение смертности.

В завершении исследования Ли и Зу подчеркивают, что для эффективной борьбы с постепенным старением населения действующие государственные деятели должны понимать, что падение рождаемости – ключевой фактор старения населения страны. Это наиболее актуально для стран, пребывающих на ранних стадиях демографического перехода, например, для большинства стран Африки.

TO WHAT EXTENT IS GRADUAL RETIREMENT A PRODUCT OF FINANCIAL NECESSITY?

[Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn (2017). To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity? // Work, Aging and Retirement. 3(1): 25–54. https://doi.org/10.1093/workar/waw027]

Гибкость американского рынка труда позволяет пенсионерам оставаться занятыми после выхода на пенсию, комбинируя различные формы трудоустройства. Тот факт, что в США

[1] Preston S.H., A. Stokes (2012). Sources of population aging in more and less developed countries // Population and Development Review. 38(2): 221–236.

53% пенсионеров и 42% занятых старше 45 лет не имеют существенных пенсионных накоплений, объясняет, почему американцы пытаются снизить риски финансовой нестабильности после выхода на пенсию. Существует несколько типичных вариантов занятости для пожилых работников. Например, все более популярными становятся переходные позиции (bridge employment), когда сотрудники перед выходом на пенсию еще несколько лет работают с меньшей загрузкой. Этот переход может осуществляться в несколько четко прописанных этапов, тогда принято говорить о поэтапном выходе на пенсию (phased retirement). Часто подобный тип занятости подразумевает заключение специального контракта, по которому сотрудник работает в режиме неполного рабочего дня после официального выхода на пенсию, либо через привлечение для выполнения сезонных или иных временных работ. Достаточно распространенной практикой оказывается и возвращение недавно вышедших на пенсию сотрудников на новых условиях.

Но что движет пожилыми работниками, решающими отложить выход на пенсию? В какой степени материальный статус влияет на решение работать после достижения пенсионного возраста? На этот вопрос попытались ответить Кеин Кэйхил, Майкл Ждиандреа и Джозеф Куин. Дополнительно они рассмотрели, какие формы переходной занятости являются предпочтительными для американских пенсионеров (работа «на себя» или по контракту неполный день) и какую роль оказывают на выбор демографические и экономические факторы.

Ученые провели лонгитюдное исследование, рассмотрев три когорты пенсионеров, которым исполнилось 51-56 лет (61 год для 1992 г.) в 1992, 1998 и 2004 г. соответственно. Данные о респондентах были взяты из базы исследования по вопросам состояния здоровья и выхода на пенсию (Health and Retirement Study), где собрана информация по изменению трудового статуса опрашиваемых и о причинах, в том числе финансовых, повлиявших на принятие соответствующего решения.

Результаты могут значительно варьироваться в зависимости от того, что считать благосостоянием. Ученые провели анализ, используя три категории богатства: 1) общая стоимость всех финансовых активов; 2) общая стоимость всех финансовых активов, за исключением первичной и вторичной недвижимости; 3) чистая стоимости всех финансовых активов. Изменение в благосостоянии в рассматриваемом временном промежутке от первого интервью (с 1992 по 2012 г.) исчисляли в процентах. Отдельно в каждой категории были выделены 5 уровней благосостояния, которым респонденты владели на момент интервью: 0$, 1-24999$, 25000-99000$, 100000-499999$, 500000+$. С помощью регрессионного анализа удалось выяснить, как с течением времени изменялись предпочтения по трудоустройству после выхода на пенсию среди трех выбранных когорт в зависимости от уровня благосостояния и гендера респондентов.

Исследование показало, что переходная занятость является преобладающей формой независимо от дохода и оказывается значительно популярнее среди мужчин с высоким доходом и женщин с доходом ниже среднего. Кроме того, выбирая между самозанятостью и контрактом по найму после выхода на пенсию, мужчины более склонны работать «на себя», нежели женщины (14-18 и 9-11% соответственно). Интересно, что трудовые предпочтения слабо зависят от изменения в накоплениях в ходе времени: корреляция между

сокращением занятости и ростом богатства видна только в отношении роста общей стоимости всех финансовых активов (1) и только для когорты 1992 г.

Анализ продолжительности рабочего дня на переходной позиции показывает, что для мужчин, чье благосостояние сократилось с момента первого интервью, полный рабочий день по контракту является предпочтительнее самозанятости. В то же время для женщин ключевую роль играет не изменение в доходе, а его общий уровень – среди наиболее обеспеченных категорий выше вероятность работать меньшее количество часов по сравнению с владеющими средним или низким доходом.

Заметно, что гендерные различия определяют факторы, влияющие на выбор переходной позиции: для мужчин когорты 1992 г. таковыми стали семейное положение, трудовой статус супруги, а также состояние здоровья. В отношении женщин подобная связь неочевидна.

В завершение исследователи предупреждают, что, несмотря на то, что переходная занятость оказывает существенную поддержку тем, кто стремится снизить риски финансовой нестабильности после выхода на пенсию, она является лишь временным решением и не может устранить всех проблем, связанных с тем, что значительная часть населения оказывается неспособной обеспечить благополучную старость. Наименее обеспеченные из возрастных работников вынуждены продолжать работать на полую занятость, что зачастую негативно отражается на их здоровье. В результате с повсеместным распространением занятости пенсионеров повышаются риски для наиболее уязвимых категорий, которые не могут работать вследствие проблем со здоровьем или иных причин. Среди них – наиболее возрастные подгруппы, одинокие, инвалиды либо живущие нерегулярными приработками, которым политика поощрения занятости не может гарантировать приемлемый уровень благосостояния.

INTERGENERATIONAL SUPPORT IN THE TRANSITION FROM WORK TO RETIREMENT

[Damman M., R. Van Duijn (2017). Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement // Work, Aging and Retirement. 3(1): 66–76. https://doi.org/10.1093/workar/waw023]

Марлен Дамман и Розмарин Ван Дуджин исследовали, в какой степени дети поддерживают своих родителей во время выхода на пенсию и как можно объяснить различия в объеме оказываемой поддержки. В научной литературе на данный момент существует два объяснения принципа оказания подобной поддержки: альтруистический и основанный на обмене.

Из 697 опрошенных Нидерландских пенсионеров меньше половины сообщили, что получали поддержку от детей во время выхода на пенсию. Как правило, поддержку от детей получали одинокие, находящиеся в тяжелой финансовой ситуации люди. Это соотносится с альтруистическим принципом, который подразумевает готовность членов семьи помогать друг другу. Предыдущие исследования показали, что хорошее здоровье, финансовая состоятельность и наличие партнера благоприятно влияют на удовлетворение от выхода на

пенсию. Люди же, в недостаточной степени располагающие этими ресурсами, испытывают больше трудностей при выходе на пенсию и поэтому нуждаются в большей поддержке. Авторы предположили, что люди, работавшие больше часов в неделю или отправленные недобровольно в отставку, хуже справляются со стрессом от выхода на пенсию. Но у них есть больше шансов получить поддержку от детей.

Исследование показало, что пенсионеры, которые помогали своим детям, чаще получали поддержку, что иллюстрирует принцип обмена. То есть «издержки» на оказание помощи детям будут компенсированы ими в будущем. Чем больше родители делают для своих детей сейчас, тем выше их уверенность, что у них будет надежная опора потом. Примечателен тот статистически выясненный факт, что наличие детей, финансово зависящих от родителей, снижает вероятность раннего выхода на пенсию. Но тем не менее дети могут служит стимулом к выходу на пенсию родителей для высвобождения времени, необходимого для оказания им поддержки.

В ходе исследования был проведен эксперимент, в котором одним и тем же работающим людям в возрасте 50-64 года 4 раза высылали опросники. В первую волну в 2001 г. ответило 62% респондентов, во вторую и третью волны (2006-2007 гг.) ответило 75%, а в четвертую волну (2011 г.) – 78%. В последнем опросе их попросили оценить степень поддержки, оказываемой детьми, в процессе выхода на пенсию, степень интенсивности обсуждения с детьми вопроса их выхода на пенсию и степень, в которой они признают своих детей источником поддержки в течение этого непростого периода.

Вдобавок испытуемых попросили охарактеризовать при помощи пятибалльной шкалы свое здоровье, семейное положение, финансовое благосостояние, количество рабочих часов, степень добровольности выхода на пенсию, социальные контакты вне работы, социальный статус, частоту помощи детям по уходу за внуками и поддержки детей, наличие финансово зависимых детей.

Таблица 1. Показатели измерения получаемой поддержки от детей во время выхода на пенсию, %. N=697

Показатель	Совершенно не согласен	Не согласен	Ни согласен, ни не согласен	Согласен	Совершенно согласен
Я много говорил со своими детьми о моей жизни после выхода на пенсию	18,8	46,1	25,0	9,6	0,6
Мои дети часто спрашивают меня, каково это – перестать работать	15,5	41,0	30,3	12,8	0,4
Мои дети являются такой надежной опорой для меня, что я могу больше не работать	11,6	22,2	43,9	19,1	3,2
Если бы у меня не было детей, то моя жизнь на пенсии была бы куда более сложной	23,7	29,7	26,5	16,6	3,4

Результаты эксперимента показали, что лишь меньшинство респондентов получало поддержку детей во время выхода на пенсию. Около 10% часто говорили с детьми о выходе на пенсию. 22% отметили отличную поддержку со стороны детей. 20% сказало, что жизнь

на пенсии была бы куда сложнее при отсутствии детей. Не больше 6% (совершенно) согласны со всеми четырьмя высказывании из таблицы 1. И около 61% заявило, что они не получали никакой поддержки при выходе не пенсию. По результатам опроса, одинокие пожилые люди, люди с низким финансовым благосостоянием и озабоченные своим социальным статусом получали больше поддержки от детей. А количество отрабатываемых в неделю часов и состояние здоровья, социальные контакты оказались статистически незначимыми в вопросе получения поддержки. Помощь в уходе за внуками или с работой по дому положительно влияла на объем возвратной поддержки от детей. Люди, часто помогавшие детям с уходом за внуками или вообще не имеющие внуков, получали больше поддержки, чем те, кто никогда не занимался ими. Наличие финансово зависимых детей снижало степень получаемой поддержки.

Результаты этого эмпирического исследования в некоторой степени подтверждают справедливость обеих объяснительных моделей: как альтруистической, так и обменной. У исследования есть некоторые ограничения. Например, уровень поддержки был измерен только со стороны родителей. Так, их впечатления могут не совпадать с объективным уровнем оказанной поддержки. Более того, в вопросах не указан точный вид помощи. Поэтому не все виды поддержки могли быть учтены. Тем не менее авторы полагают, что, несмотря на ограничения, их исследование проливает свет на важную и актуальную тему баланса взаимопомощи между родителями, покидающими рынок труда, и их детьми.

MIGRATION FROM NEW-ACCESSION COUNTRIES AND DURATION EXPECTANCY IN THE EU-15: 2002–2008

[DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski (2017). Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008 // European Journal of Population. 33(1): 33–53. https://doi.org/10.1007/s10680-016-9383-3]

После расширения Европейского союза в 2004 и 2007 гг. существенно увеличился приток иммигрантов из 12 новых стран ЕС в 15 стран, состоявших в Евросоюзе до 2004 г. (далее ЕС-15). Для изучения влияния этого процесса на экономику и социальную структуру стран-членов ЕС необходимо по возможности точно представлять масштабы явления.

Джек ДеВаард, Джасмин Чан Ха, Джеймс Рэймер и Аркадиуш Вишнёвски предлагают новый изящный метод косвенной оценки общего объема миграционного обмена. Они предлагают оценивать «полную» продолжительность проживания в странах ЕС-15 иммигранта из страны, вступившей в ЕС в 2004 или 2007 г. («Полная» продолжительность проживания в отличие от «текущей» учитывает не только долгосрочную миграцию, но и циклическую, например сезонную.) Но поскольку в отсутствие детальных и надежных данных о миграции осуществить точный подсчёт «полной» продолжительности проживания не представляется возможным, авторы прибегают к косвенному оцениванию с помощью мультистатусных таблиц смертности с разделением населения по миграционному статусу. Таким образом, оценивается ожидаемая продолжительность пребывания мигранта из новых стран ЕС в ЕС-15. Этот показатель считается из ожидаемой продолжительности жизни при рождении (которая складывается из ожидаемой продолжительности жизни внутри родной страны и вне её). Авторы находят

ожидаемую продолжительность пребывания в стране ЕС-15 в каждом году (с 2002 по 2008 г.) для каждой пары изучаемых стран, между которыми возникают миграционные потоки (рисунок 7).

Проанализировав полученные данные, исследователи находят общие тенденции для всех стран – новых членов ЕС:

1. в течение рассматриваемого временного промежутка ожидаемая продолжительность жизни при рождении растёт;
2. несмотря на это, сокращается ожидаемая продолжительность пребывания индивида в родной стране;
3. увеличивается ожидаемая продолжительность пребывания индивида вне родной страны (в частности, для стран ЕС-15 этот показатель вырос в среднем на 7,89 года за рассматриваемый период);
4. наибольшая ожидаемая продолжительность пребывания мигрантов из стран – новых членов ЕС наблюдается в Германии (4,20 года), Великобритании (3,08 года) и Италии (2,76 года).

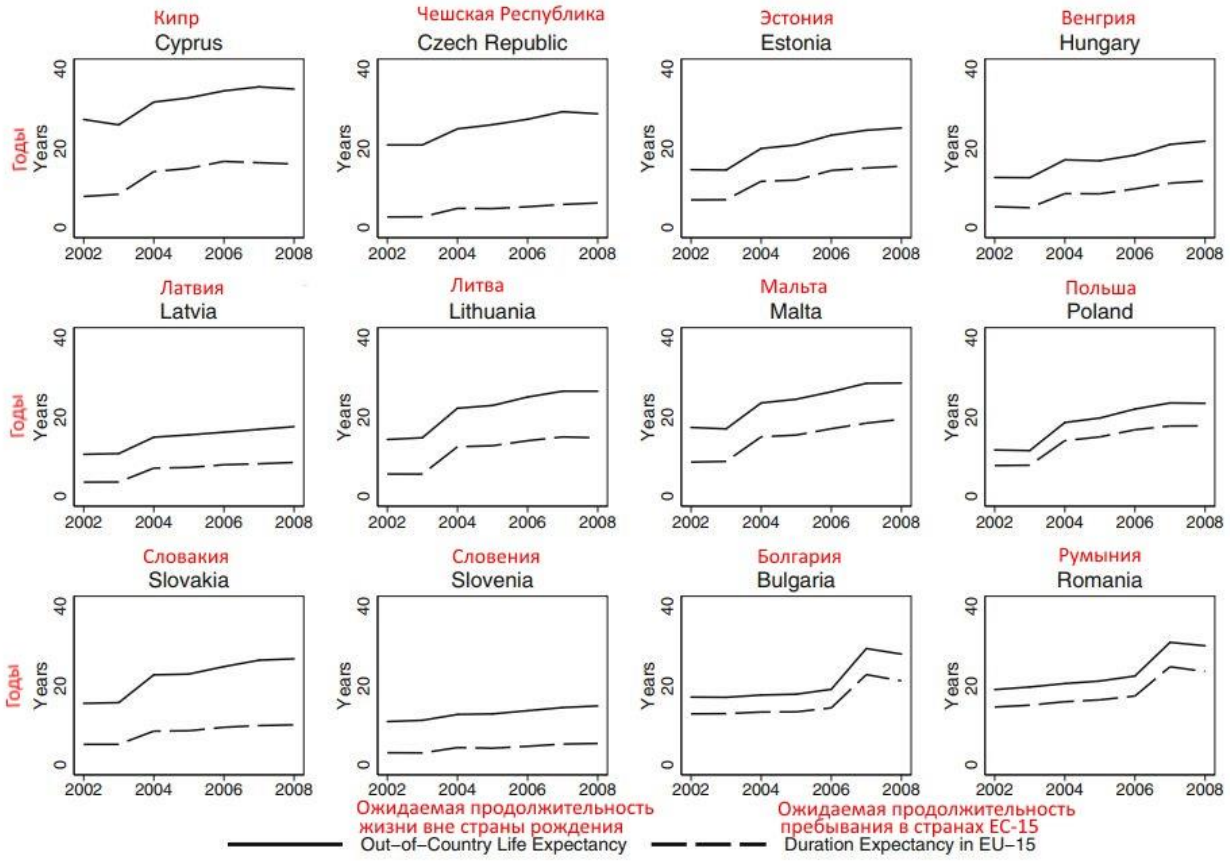

Рисунок 7. Ожидаемая продолжительность жизни мигрантов из новых стран ЕС вне родной страны вообще и в странах ЕС-15 в частности: страны – новые члены ЕС, 2002-2008

Также в результатах анализа отчетливо прослеживаются различия между двумя группами стран – новых членов ЕС: вступивших в Евросоюз в 2004 и в 2007 г. Уроженцы первой группы стран увеличили своё пребывание в странах ЕС-15 на 7,53 года, а уроженцы

второй группы – на 8,81 года (рисунок 8). Для индивидов, родившихся в странах – членах ЕС с 2004 г., приоритетная страна пребывания (помимо вышеперечисленных) – Франция, а для родившихся в странах – членах ЕС с 2007 г. – Испания.

Авторы статьи осознают, что их подход к оценке миграционных процессов подвержен серьезным колебаниям вследствие использования периодных таблиц смертности и может не всегда давать точные и устойчивые во времени результаты из-за резких скачков в определенные годы. Так, исследуемый промежуток заканчивается в 2008 г., в год начала мирового экономического кризиса, следовательно, не учитывается влияние кризиса на результаты, что особенно важно для анализа следующих временн*ы*х промежутков. Однако исследователи убеждены, что в дальнейшем эти ограничения будут устранены, и надеются, что ожидаемая продолжительность проживания будет использоваться в качестве характеристики миграционных процессов повсеместно.

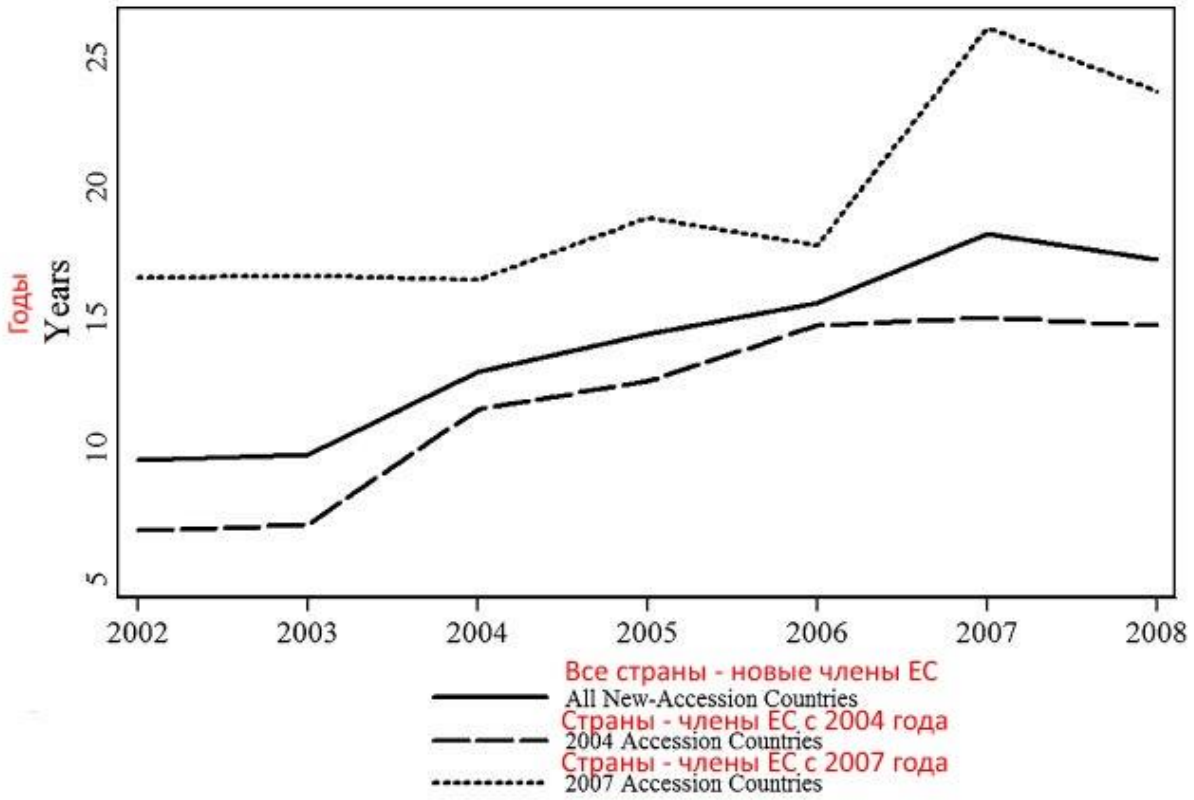

Рисунок 8. Ожидаемая продолжительность проживания в странах ЕС-15: все страны – новые члены ЕС по дате присоединения, 2002-2008

FERTILITY INTENTIONS AND RESIDENTIAL RELOCATIONS

[Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus (2017). Fertility Intentions and Residential Relocations // Demography. 54(4): 1305–1330. https://doi.org/10.1007/s13524-017-0592-0]

В настоящее время появляется все больше эмпирических подтверждений существования тесной связи между планированием рождения детей и сменой места жительства. В отсутствие подходящего жилья или дружественной для детей окружающей среды пара,

желающая завести детей, либо переезжает, либо отказывается от пополнения. Однако переезд часто происходит и непосредственно после рождения ребенка. Серджи Видал, Йоханнес Хьюнинг и Майкл Фелдхауз постарались ответить на вопрос: является ли смена места жительства результатом планирования беременности или следствием появления детей.

В основном предыдущие исследования по данной теме показали, что смена места проживания и рождаемость сильно взаимосвязаны. В этих работах акцент был сделан на изучении механизма «регулировки» (смена места проживания в связи с планированием пополнения семьи), которые рассматривались как основной стимул к переезду. Однако направление взаимосвязи вполне может быть и обратным, когда переезд, связанный с расширением семьи, случается после зачатия или уже после рождения ребенка.

В своей работе авторы сначала выдвигают гипотезу о том, что намерение завести ребенка стимулирует смену места жительства. Подобное утверждение было обусловлено тем, что смена места жительства до зачатья ребенка снижает уровень стресса будущих родителей. Например, они могут быть уверенны, что им доступны инфраструктура, необходимая для ребенка, или помощь родственников.

Однако результаты исследования не в полной мере подтвердили гипотезу: положительная зависимость между намерением завести ребенка и сменой места жительства оказывается незначительной, но сильно меняется в зависимости от возраста и родительского статуса. Ключевыми факторами оказались степень срочности «регулировки» и доступность ресурсов, необходимых для переезда. Таким образом, переезд представляет собой необходимую меру поддержания должного уровня жизни семьи. Но, вне зависимости от срочности переезда, отсутствие ресурсов может заставить пару отсрочить смену места жительства.

Для подтверждения гипотезы были использованы данные исследования взаимоотношений и семейных соглашений German Family Panel (2008-2013 гг.). В этой научной работе были собраны в шесть волн ответы одних и тех же респондентов трех когорт рождения (1971-1973, 1981-1983, 1991-1993 гг.).

Авторы сравнивали участников в возрасте 24-28 и 34-38 лет. В исследовании различались три типа смены места жительства: переезд внутри города, перемещение на малые расстояния за территорию города (но не более 50 км) и перемещение на большие расстояние (более 50 км). Каждый год участников опроса спрашивали, намереваются ли они стать отцом или матерью (снова) в течение следующих двух лет. Более того, учитывались и другие индикаторы. Например, статус беременности, родительский статус, возраст, разница между числом проживающих в доме и количеством комнат, время, необходимое, чтобы доехать до работы и родителей, семейное положение, уровень образования, число детей, доходы и др. Также был проведен ряд испытаний для выявления наличия обратного влияния места жительства на намерение завести ребенка. Так, отсутствие жилья или ощущение стресса, связанного с переездом, могут негативно повлиять на планы женщины завести ребенка.

Результаты показывают, что люди предпочитают переезжать чаще в рамках территории города, чем перемещаться за его пределы. Также, переезжая за пределы города, испытуемые чаще совершали перемещения на малые расстояния, чем на большие. Переезды внутри города или на малые расстояние являются наиболее частотными в течение беременности и на стадии ее планирования. Переезды на большие расстояния наиболее часто происходят на стадии планирования ребенка, после которого пара больше не собирается заводить детей.

Группа респондентов когорты рождения 1981-1983 гг. (возраст 24-28 лет) характеризуется более высокой частотой переездов, чем группа респондентов когорты рождения 1971-1973 гг. (возраст 34-38 лет), при условии отсутствия в планах расширения семьи. Примечателен также тот факт, что планирование первого ребенка стимулирует переезд на дальние расстояния среди респондентов в возрасте 34-38 лет (старшая группа) и снижает стимулы к переезду на малые и дальние расстояния для группы респондентов 24-28 лет (младшая группа). После зачатия, ведущего к рождению первого ребенка, характерны переезды на малые дистанции как для старшей, так и для младшей группы участников. После зачатия, ведущего к появлению еще одного ребенка, переезды внутри города и на большие расстояния значительно выше для респондентов старшей группы. Таким образом, смена места жительства чаще наблюдается как на стадии планирования беременности, так и при ее течении, однако, тип переезда зависит от возраста и родительского статуса.

Вдобавок оказалось, что взаимосвязь между намерениями иметь детей и разными типами переездов статистически незначима. А беременность и переезды на малые расстояния находятся в положительной зависимости. В ходе анализа была выявлена отрицательная зависимость между наличием детей и переездами за город. К тому же члены старшей группы показали себя менее мобильными и менее склонными к переездам всех трех типов.

Ключевые результаты исследования:

1. выявлено, что респонденты, намеревающиеся завести детей переезжали чаще, чем те, кто не намеревался;
2. возраст и родительский статус оказывают большое влияние на взаимосвязь между намерениями завести детей и переездами;
3. возникает частичная взаимосвязь из-за разной степени срочности смены жилья.

Таким образом, данное исследование во многом прояснило вопрос о наличии взаимосвязи между планированием расширения семьи и сменой места жительства. В дальнейших работах авторы планируют рассмотреть влияние на эту взаимосвязь гендерных различий.

FINANCING PUBLIC EDUCATION FACILITIES: THE ROLE OF ELDERLY POPULATIONS AND GEOGRAPHIC MOBILITY

[Schlaffer J.S. (2018). Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility // Social Science Quarterly. 99(1): 118–135]

Исследование Джеймса Шлаффера – достаточно редкая попытка проверить гипотезу столкновения поколений на эмпирических данных. Ускоряющееся старение населения вместе с неизменными институтами голосования увеличивает риск принятия решений, учитывающих преимущественно интересы пожилых. Одним из ключевых дискуссионных вопросов этой гипотезы оказывается механизм финансирование образования. Образование молодых поколений для пожилых – инвестиция, не подразумевающая прямой отдачи. Предыдущие исследования не складываются в непротиворечивую картину: некоторые обнаруживают ожидаемую негативную взаимосвязь между долей пожилого населения и финансированием образования, другие, наоборот, находят положительную ассоциацию. Шлаффер утверждает, что корень противоречий в предыдущих исследованиях – неучтенная неоднородность пожилого населения.

Главная гипотеза данного исследования заключается в том, что меньшая социальная вовлеченность пожилых людей должна негативно отражаться на их готовности направлять общественные финансы на образование. Чтобы «пощупать» такое ускользающее понятие, как социальная привязанность к месту проживания, автор использует данные о миграции пожилых людей. Предполагается, что пожилые люди, недавно переехавшие на новое место жительства, будут меньше связаны с местным сообществом. В отличие от единственного предыдущего похожего исследования Шлаффер решил анализировать общие затраты местных сообществ на образовательную инфраструктуру, а не затраты в среднем на ученика, которые подвержены выравниваю на уровне штатов. Исследование проведено на данных Калифорнии, которая традиционно принимает достаточно много пожилых переселенцев, перебирающихся на старости лет в теплые края.

Результаты подтверждают главную гипотезу: те районы, в которых зафиксирована сравнительно большая доля недавно приехавших пожилых людей, менее склонны тратить общественные деньги на школы. Этот результат имеет важнейшее прикладное значение. Его можно трактовать так, что пожилые люди не склонны финансировать образование не вообще, а лишь тогда, когда не чувствуют себя в достаточной степени частью местного сообщества, на будущее которого планируется тратить общие деньги. Таким образом, логично предположить, что меры, нацеленные на вовлечение пожилого населения в социальную жизнь местного сообщества, окажутся эффективным противоядием против «седой угрозы» (Grey Peril).

THE REVERSAL OF THE GENDER GAP IN EDUCATION AND RELATIVE DIVORCE RISKS: A MATTER OF ALTERNATIVES IN PARTNER CHOICE?

[Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel (2017). The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice? // Population Studies. 71(sup1): 15–34. https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1371477]

Традиционно получение образования, особенно высшего, считалось привилегией мужчин. По этой причине нормой оказывались гипергамные браки, в которых муж имеет более высокий уровень образования, чем жена. Однако за последние полвека гендерный разрыв в уровне образования значительно сократился: всё больше и больше женщин стали получать высшее образование и, следовательно, выросло количество гипогамных браков – союзов, в которых женщина образованней своего супруга. Андрэ Гроу, Кристин Шнор и Ян Ван Бавел в своей статье изучают влияние этого социальной инверсии на риски развода. В качестве объекта исследования учёные взяли гетеросексуальные пары из 12 европейских стран, вступившие в брак в период с 1950 по 2004 г. (рисунок 9).

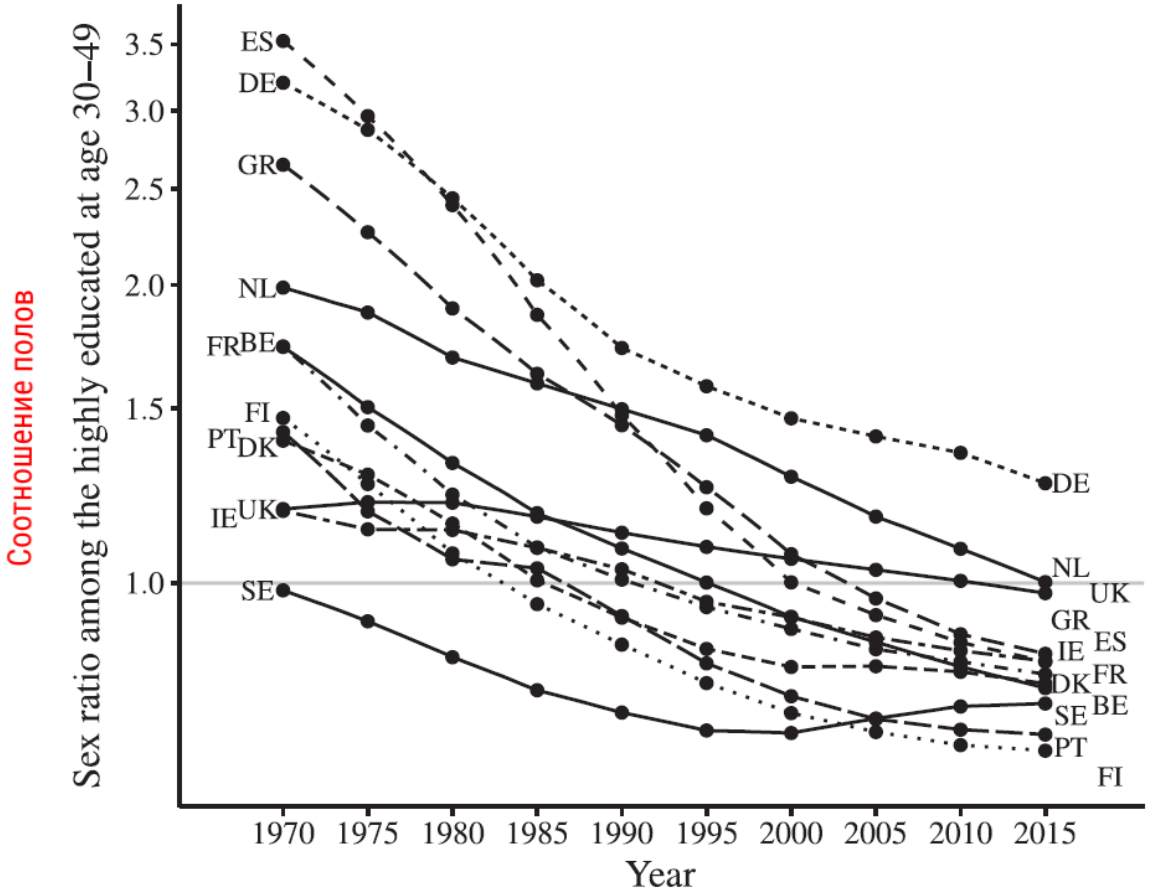

Рисунок 9. Соотношение полов (число мужчин на 1 женщину) среди, имеющих высшее образование, в возрасте 30-49 лет в 12 европейских странах, 1970-2015

Примечание: BE - Бельгия, DE - Германия, DK - Дания, ES - Испания, FI - Финляндия, FR - Франция, GR - Греция,IE - Ирландия, NL - Нидерланды, PT - Португалия, SE - Швеция, UK – Великобритания.

Для начала авторы дают описание нескольких важных макроструктурных закономерностей, касающихся рисков развода. Так, они указывают, что риск развода напрямую зависит от количества более привлекательных альтернатив (индивидов противоположного пола) на брачном рынке. Вероятность развода снижается с увеличением числа лет, проведённых в браке, так как с течением времени растут инвестиции в партнёра (общие дети, совместно нажитое имущество). Также на вероятность развода влияют такие факторы, как уровень общественного неприятия развода и брачное законодательство. Модель поиска партнёра индивидом выглядит следующим образом: индивид приходит на брачный рынок в возрасте 16 лет и остаётся там на протяжении жизни (авторы статьи берут 110 лет за максимальную продолжительность жизни), независимо от того, состоит ли он в каких-либо отношениях или нет. Индивид старается завязать отношения с наиболее привлекательным для себя партнёром. Привлекательность определяется:

1. возрастом: насколько близок возраст потенциального партнёра к идеальному для конкретного индивида (для мужчины идеальный возраст супруги – 24 года, для женщины идеальный возраст супруга больше её собственного на 2,5 года);
2. величиной возможного дохода потенциального партнёра;
3. уровнем образования потенциального партнёра: он должен быть либо таким же, как у выбирающего индивида (что предполагает схожие интересы, ценности и нормы поведения), либо выше (что предполагает более высокий уровень дохода потенциального партнёра).

Важно, что каждая из указанных выше детерминант привлекательности имеет разное значение для представителей разного пола. Также вероятность того, что индивид вступит в новые отношения, обратно пропорциональна продолжительности текущих отношений и прямо пропорциональна возрасту (при условии отсутствия текущих отношений) и желанию потенциального партнёра встречаться с индивидом или создать с ним семью.

Существенное дополнение авторов статьи к описываемой модели – учёт реальных показателей рождаемости и смертности для определения численности половых и возрастных групп индивидов для каждого исследуемого года.

Авторы рассчитывают относительные риски развода гипогамных пар по сравнению с гипергамными (R), а также показатель, определяющий преимущество женщин в образовании (вероятность того, что случайно выбранная женщина будет образованнее случайно выбранного мужчины, F). Оказывается, с течением времени R уменьшается, поскольку одновременно уменьшается риск развода гипогамных пар и растёт риск развода гипергамных пар (рисунок 10).

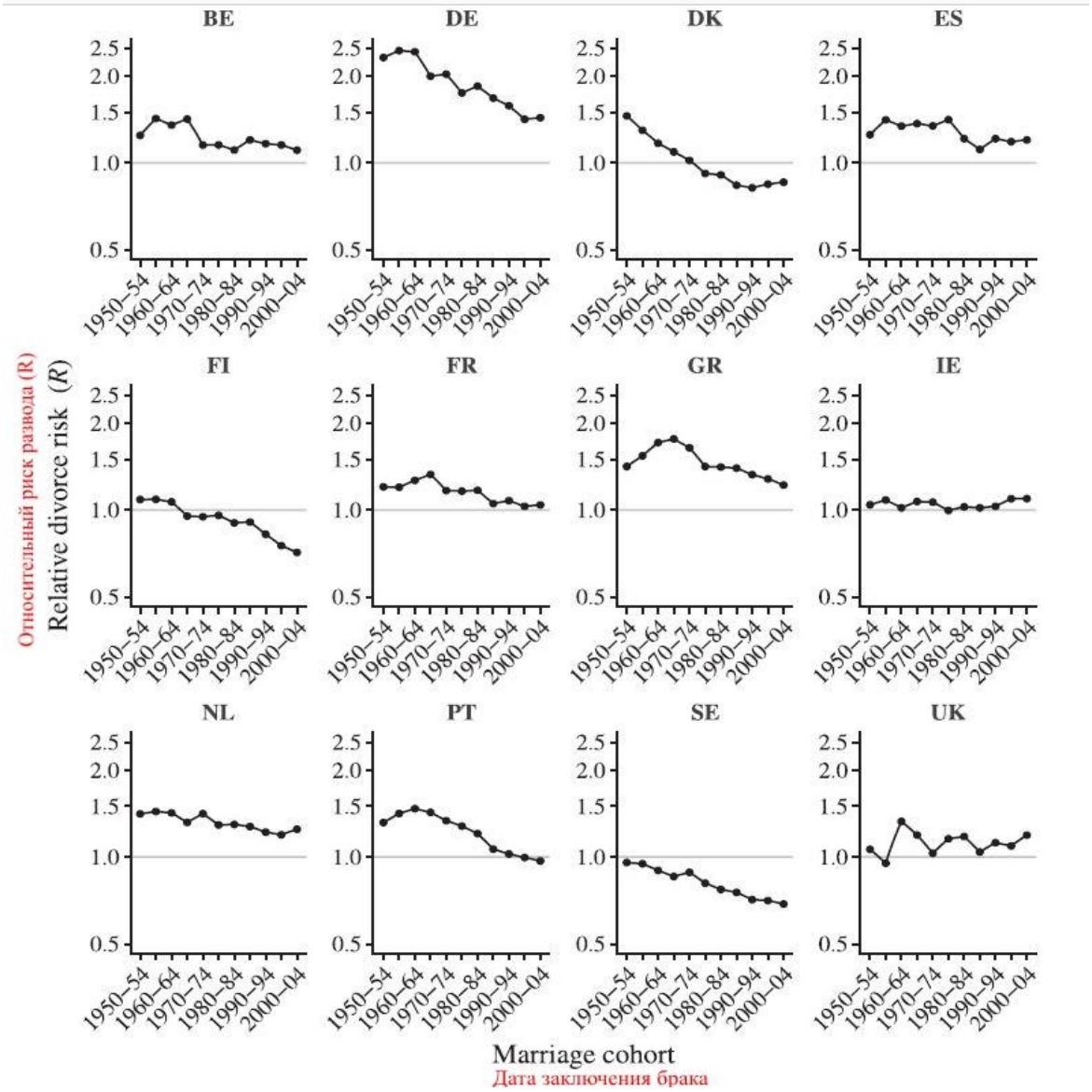

Рисунок 10. Относительный риск развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным по дате заключения брака

Примечание: BE - Бельгия, DE - Германия, DK - Дания, ES - Испания, FI - Финляндия, FR - Франция, GR - Греция,IE - Ирландия, NL - Нидерланды, PT - Португалия, SE - Швеция, UK – Великобритания.

Однако указанное снижение R сопровождается ростом F (т.е. женщины становятся образованнее, чем мужчины), из чего можно сделать вывод, что сокращение гендерного разрыва в уровне образования ведёт к появлению на брачном рынке большого числа высокообразованных женщин. Это в свою очередь обусловливает рост числа привлекательных альтернатив для мужчин и сокращение числа привлекательных альтернатив для женщин, что объясняет указанные тенденции изменения R (рисунки 11, 12).

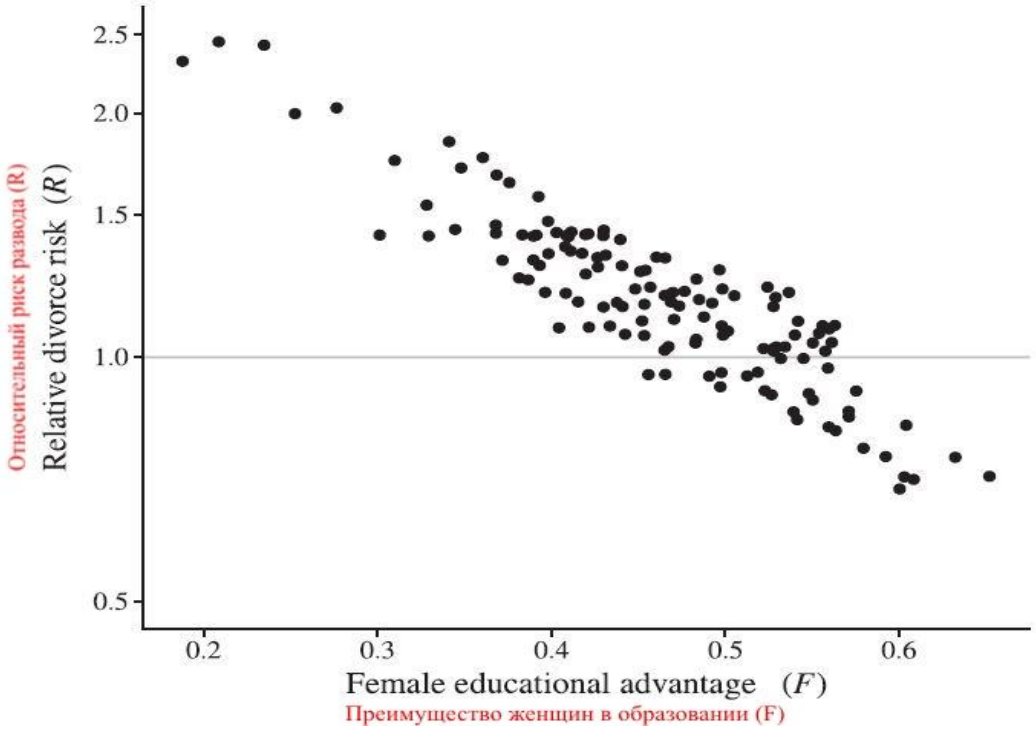

Рисунок 11. Относительный риск развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным и преимущество женщин в образовании (F-показатель)

Примечание: Смоделировано для 12 европейских стран и 11 брачных групп.

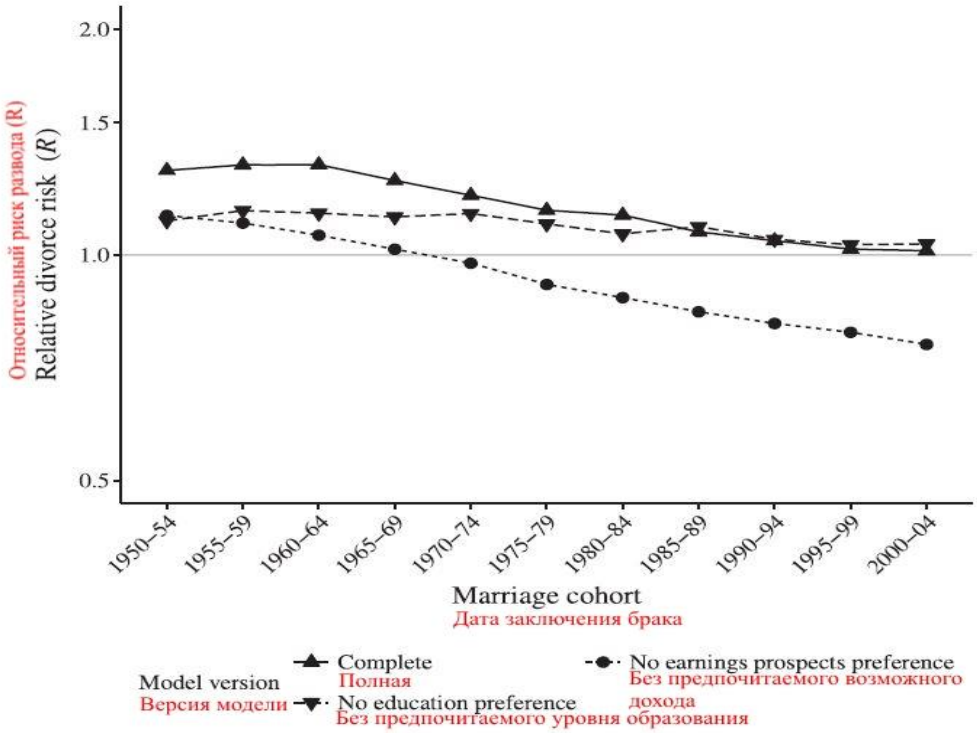

Рисунок 12. Относительные риски развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным

Примечание: смоделировано для 12 европейских стран, по дате заключения брака и по версии модели.

Для авторов статьи принципиально, что изменение норм и ценностей (в частности, принятие обществом гипогамных браков) не является ключевой причиной описываемого процесса, как предполагали их предшественники.

В заключение авторы приводят ещё несколько важных результатов:

1. если бы для индивидов не был важен возможный доход потенциального партнёра, то снижение R было бы гораздо существеннее наблюдаемого;
2. если бы для индивидов не имели значения интересы, ценности и нормы поведения потенциального партнёра, то снижение R не сильно отличалось бы от наблюдаемого.

WOMEN LIVE LONGER THAN MEN EVEN DURING SEVERE FAMINES AND EPIDEMICS

[Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Oksuzyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, K., J.W. Vaupel (2018). Women live longer than men even during severe famines and epidemics // Proceedings of the National Academy of Sciences. 201701535. https://doi.org/10.1073/pnas.1701535115]

Исследование Вирджинии Зарулли и соавторов, опубликованное в престижном журнале Национальной академии наук (США), широко освещалось в международной прессе – видимо, из-за очень простого, казалось бы, ключевого вывода: женщины – сильный пол.

Женщины живут дольше мужчин. Во всех развитых человеческих сообществах. По большому счету, универсального и бесспорного объяснения этого феномена нет. Существующие объяснения опираются как на биологические различия, так и на многочисленные социальные нормы и поведенческие различия. Известно, что в некоторых исторических популяциях людей смертность женщин могла быть очень высокой в репродуктивных возрастах. Но качественных данных мало. Авторы данного исследования решили проверить, сохраняется ли преимущество женщин в условиях катастрофически высокой смертности. В статье анализируются различия в смертности между мужчинами и женщинами в считанных случаях, когда человеческие популяции, подверженные невероятно высокой смертности, оказываются неплохо задокументированными статистически. Удалось найти лишь 7 подобных случаев: освобожденные рабы в Либерии в 1820-1843 гг., рабы на плантациях Тринидада в 1813-1816 гг., голодомор на Украине в 1933 г., голод в Швеции в 1772-1773 гг., эпидемии в Исландии в 1846 и 1882 г. и голод в Ирландии в 1845-1849 гг. Во всех этих случаях, смертность женщин оказывалась ниже смертности мужчин (рисунок 13).

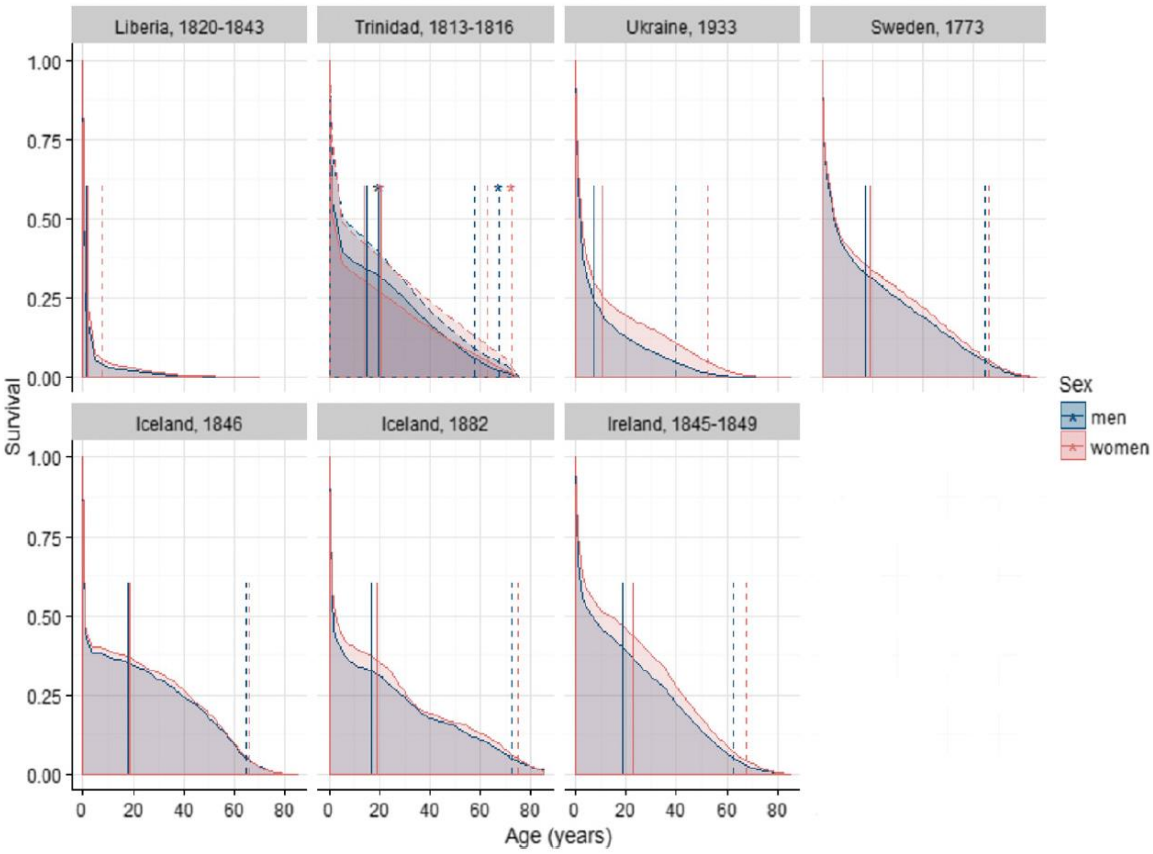

Рисунок 13. Модельные кривые дожития мужчин и женщин в популяциях, подверженных экстремально высокой смертности. Вертикальными сплошными линиями отмечены оценки ожидаемой продолжительности жизни, пунктирными линиями – доверительные интервалы оценок

По мнению авторов, результаты, в первую очередь, подтверждают гипотезы о биологических причинах превосходства женщин в дожитии. Социальные факторы лишь усиливают дисбаланс.

REGIONAL POPULATION STRUCTURES AT A GLANCE

[Kashnitsky I., J. Schöley (2018). Regional population structures at a glance // The Lancet. 392(10143): 209–210. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31194-2]

С большим удовольствием представляю вам свою карту (рисунок 14) и небольшое пояснение к ней, которые опубликованы в журнале The Lancet.

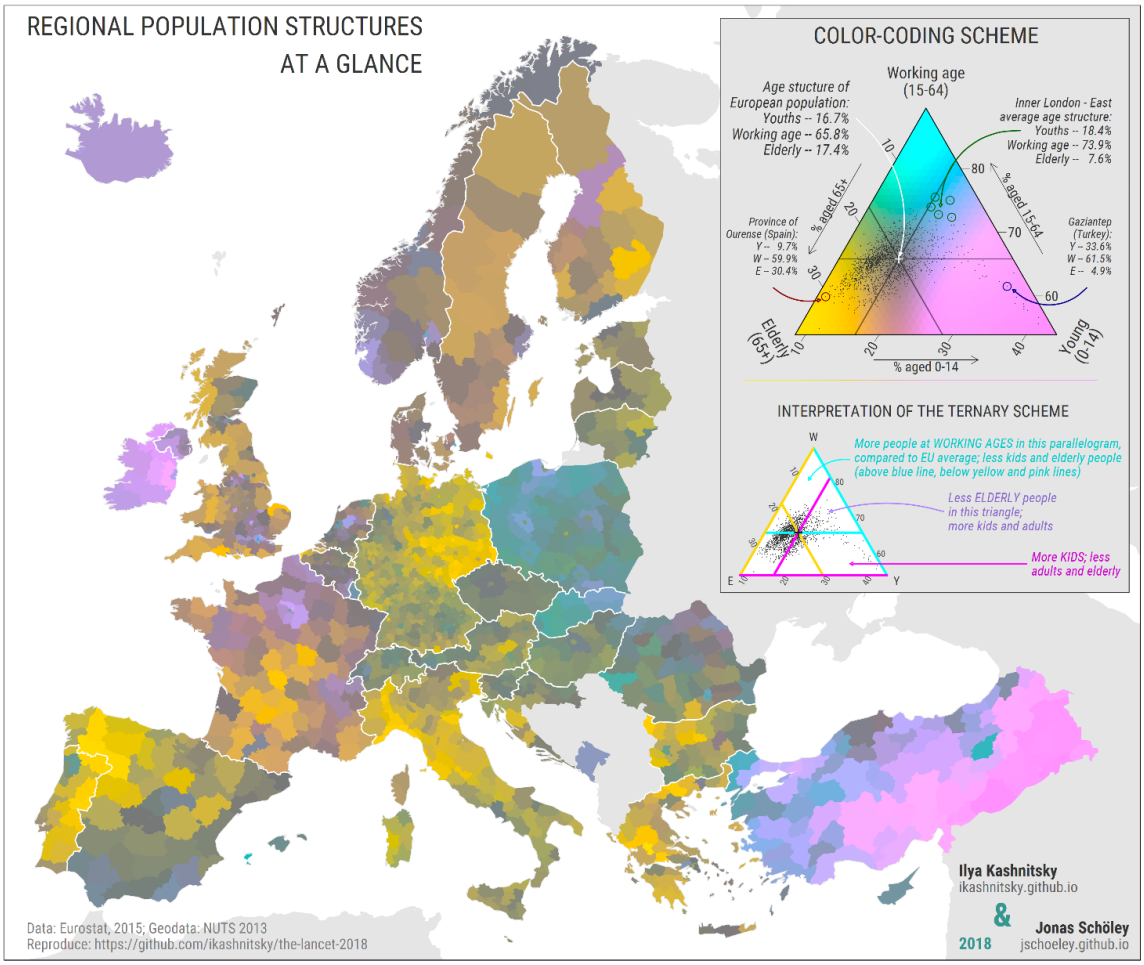

Рисунок 14. Возрастная структура населения европейских регионов NUTS-3, закодированная цветом

Эта карта представляет собой «моментальный снимок» региональных возрастных структур населения в современной Европе. Соотношения детей, взрослых и пожилых в населении каждого из регионов закодировано цветом – данные «сами создают цвета». Возрастной структуре населения Европы соответствует серый цвет, который получается смешиванием в равных пропорциях розового, голубого и желтого. Чем больше возрастная структура населения региона отличается от среднеевропейской, тем больше доминирует один из трех цветов: желтый – если в населении преобладают пожилые, розовый – дети, голубой – люди трудоспособного возраста. Одна карта может поведать нам бесконечное количество демографических историй. Курдистан, юго-восточная часть Турции, еще не завершил демографический переход, Восточная Европа переживает последние годы демографического дивиденда, в то время как западная Европа стремительно стареет. Столичные регионы стягивают население трудоспособного возраста, пристоличные регионы – молодые семьи с детьми, а в провинции остаются доживать старики. Приблизите карту, и Вы увидите явственную границу между двумя Бельгиями – Фландрией и Валлонией. А знаете, что это за яркое сиреневое пятно в Финляндии? Оказывается, там живут лестадианцы, крайне традиционные протестанты, предпочитающие в вопросах планирования семьи благочестивую позицию «сколько Бог пошлет», – рассказали мне финские демографы на Европейской конференции по изучению народонаселения. А посмотрите на Испанию, береговые регионы которой вместе со столичным регионом

получили в нулевые годы невероятный приток международной миграции – в отличие от внутренней периферии страны.

Цвета созданы с помощью R-пакета tricolore. Этот пакет, как мы надеемся, позволит исследователям из разных областей науки с легкостью отображать цветом троичные композиции данных. Вы, дорогой читатель, можете воспроизвести карту точь-в-точь за несколько минут, детали тут: https://github.com/ikashnitsky/the-lancet-2018.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, ANNA BURMISTROVA, NIKITA GANZHA, GALINA MANKOVA, AND VADIM KHRUKOV

- *Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao. Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages.*
- *Kolk M., M. Hällsten. Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden.*
- *Monnet E., C. Wolf. Demographic cycles, migration and housing investment.*
- *Lee R., Y. Zhou. Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited.*
- *Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn. To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity?*
- *Damman M., R. Van Duijn. Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement.*
- *DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski. Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008.*
- *Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus. Fertility Intentions and Residential Relocations.*
- *Schlaffer J.S. Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility.*
- *Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel. The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice?*
- *Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Oksuzyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, J.W. Vaupel. Women live longer than men even during severe famines and epidemics.*
- *Kashnitsky I., J. Schöley. Regional population structures at a glance.*

ILYA S. KASHNITSKY (ilya.kashnitsky@gmail.com), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

ANNA BURMISTROVA, NIKITA GANZHA, GALINA MANKOVA, VADIM KHRUKOV, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: AUGUSTE 2018.